MEXICAN SPANISH STORIES

LA SIERRA NO ESPERA

Сьерра не ждёт

ИСПАНСКИЙ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ РУССКИМ ПЕРЕВОДОМ · B1-B2

18+

Poyraz Demir

La sierra no espera / Сьерра не ждёт

https://litres.ru/74724458
SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать часов, одна печень и ураган между ними и морем. Координатор трансплантаций Валерия Киньонес должна до двух часов дня довезти донорскую печень из Дуранго в Масатлан, где умирает восьмилетняя Химена. Аэропорт закрыт, автострада засыпана обвалом, к побережью идёт ураган «Теодора». Остаётся Хребет Дьявола: триста километров горных поворотов на мотоцикле её бывшего мужа, с которым она не разговаривала шесть лет.

Книга для тех, кто учит испанский на уровне B1-B2. Двенадцать глав на живом мексиканском испанском, под каждым абзацем дословный перевод на русский. Читайте по-испански, заглядывайте в перевод, когда нужно, и к последней странице вы прочитаете целую повесть на испанском.

Содержание

Как читать эту книгу	4
Capítulo 1: Doce horas	5
Capítulo 2: Diez horas y media. El taller	13
Capítulo 3: Nueve horas. La subida	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Poyraz Demir
La sierra no espera / Сьерра не ждёт

Как читать эту книгу

Каждый абзац идёт сначала на испанском, сразу под ним дословный перевод на русский курсивом.

Перевод держится близко к испанскому порядку слов, чтобы было видно, как устроена фраза. Прочитайте испанский абзац целиком, сверьтесь с переводом и вернитесь к испанскому.

Capítulo 1: Doce horas
Глава 1: Двенадцать часов

Es la una y media de la mañana en Durango, y Valeria Quiñones sostiene la mano de una mujer que acaba de perder a su hijo. Están sentadas en una salita sin ventanas del Hospital General, con una caja de pañuelos entre las dos y un café que nadie toca. La mujer se llama Rosa. Su hijo, Emiliano, tenía diecinueve años y una moto roja, y anoche, a las nueve, en la curva de La Ferrería, la moto y él se separaron para siempre. Ahora Emiliano respira solo porque una máquina respira por él. Su cerebro ya no está.

Половина второго ночи в Дуранго, и Валерия Киньонес держит руку женщины, которая только что потеряла сына. Они сидят в маленькой комнатке без окон Центральной больницы, с коробкой салфеток между ними и кофе, которого никто не трогает. Женщину зовут Роса. Её сыну, Эмилиано, было девятнадцать лет, и у него был красный мотоцикл, и вчера вечером, в девять, на повороте Ла-Феррерия, мотоцикл и он расстались навсегда. Сейчас Эмилиано дышит только потому, что за него дышит машина. Его мозга уже нет.

Valeria tiene treinta y ocho años y lleva once como

coordinadora de donación de órganos. Es el trabajo más difícil del hospital, dicen sus compañeros, y ella no los contradice. Su trabajo es sentarse con las familias en el peor momento de su vida y hacerles una pregunta imposible. Nunca presiona. Nunca miente. Explica, escucha, espera. Esta noche ha esperado tres horas. Por fin Rosa levanta la cara, mojada, y dice con una voz muy clara:

-Emiliano siempre decía que quería servir para algo. Que sirva.

Валерии тридцать восемь лет, и она одиннадцать лет работает координатором донорства органов. Это самая трудная работа в больнице, говорят её коллеги, и она им не возражает. Её работа - сидеть с семьями в худший момент их жизни и задавать им невозможный вопрос. Она никогда не давит. Никогда не лжёт. Объясняет, слушает, ждёт. Этой ночью она ждала три часа. Наконец Роса поднимает лицо, мокрое, и говорит очень ясным голосом:

- Эмилиано всегда говорил, что хочет на что-то сгодиться. Пусть сгодится.

Valeria firma los papeles con Rosa y sale al pasillo. Ahora empieza la carrera. El corazón de Emiliano va a un hombre en Monterrey; los riñones, a dos pacientes aquí mismo, en Durango. Y el hígado tiene un destino urgente: una niña de ocho años en Mazatlán, Ximena, que se está muriendo de una hepatitis fulminante. Su hígado dejó de funcionar hace cuatro días. Sin un

hígado nuevo, no va a ver el domingo. Un equipo de trasplantes de Guadalajara voló a Mazatlán ayer por la tarde, y la espera en el quirófano.

Валерия подписывает бумаги с Росой и выходит в коридор. Теперь начинается гонка. Сердце Эмилиано едет к мужчине в Монтеррей; почки - двум пациентам здесь же, в Дуранго. А у печени срочный адрес: восьмилетняя девочка в Масатлане, Химена, которая умирает от фульминантного гепатита. Её печень перестала работать четыре дня назад. Без новой печени она не увидит воскресенья. Бригада трансплантологов из Гвадалахары прилетела в Масатлан вчера во второй половине дня, и она ждёт её в операционной.

Un hígado, fuera del cuerpo, dentro de una hielera, vive doce horas. Quizá un poco más, pero cada hora que pasa es peor para el que lo recibe. Los cirujanos van a sacar los órganos a las dos de la mañana. Eso significa que el hígado tiene que estar en Mazatlán antes de las dos de la tarde. Lo normal sería un avión: cuarenta minutos de vuelo sobre la sierra. Pero esta noche nada es normal. Esta noche, sobre el Pacífico, viene girando un huracán de categoría tres que se llama Teodora, y va directo hacia Mazatlán.

Печень вне тела, в контейнере со льдом, живёт двенадцать часов. Может быть, чуть больше, но каждый проходящий час хуже для того, кто её получает. Хирурги будут извлекать органы в два часа ночи. Это значит, что печень

должна быть в Масатлане до двух часов дня. Нормальным был бы самолёт: сорок минут полёта над горами. Но этой ночью ничто не нормально. Этой ночью над Тихим океаном, вращаясь, идёт ураган третьей категории, который называется «Теодора», и он идёт прямо на Масатлан.

Valeria hace las llamadas desde el pasillo, caminando de un lado a otro. El aeropuerto de Mazatlán está cerrado desde la medianoche. La Fuerza Aérea dice que ningún helicóptero puede volar con esos vientos. La única opción es la carretera: la autopista Durango-Mazatlán, una maravilla de túneles y puentes que cruza la Sierra Madre en tres horas. Llama a la Policía Federal. La respuesta llega a las dos y diez: un derrumbe enorme ha tapado la autopista en el kilómetro ciento setenta, a la entrada de un túnel. Está cerrada. Ninguna ambulancia puede pasar.

Валерия делает звонки из коридора, шагая туда-сюда. Аэропорт Масатлана закрыт с полуночи. ВВС говорят, что ни один вертолёт не может летать при таких ветрах. Единственный вариант - дорога: автострада Дуранго - Масатлан, чудо из тоннелей и мостов, которое пересекает Сьерра-Мадре за три часа. Она звонит в Федеральную полицию. Ответ приходит в два десять: огромный обвал засыпал автостраду на сто семидесятом километре, у въезда в тоннель. Она закрыта. Ни одна скорая не может проехать.

Queda la carretera vieja. La federal cuarenta, la que todos en

Durango llaman el Espinazo del Diablo: trescientos kilómetros de curvas sobre la cresta de la sierra, con precipicios de mil metros a los dos lados, que en un día bueno se hacen en seis horas. Esta noche, con la lluvia del huracán, está llena de piedras caídas y árboles atravesados. Una ambulancia no pasaría de El Salto. Un coche tampoco. Valeria se queda quieta en medio del pasillo, con el teléfono en la mano, y piensa en lo único que puede pasar por un camino así. Una moto.

Остаётся старая дорога. Федеральная сороковая, та, которую все в Дуранго называют Хребтом Дьявола: триста километров поворотов по гребню гор, с пропастями в тысячу метров с обеих сторон, которые в хороший день проезжают за шесть часов. Этой ночью, с дождём урагана, она полна упавших камней и поваленных поперёк деревьев. Скорая не проехала бы дальше Эль-Сальто. Машина тоже. Валерия замирает посреди коридора, с телефоном в руке, и думает о единственном, что может проехать по такой дороге. Мотоцикл.

Y si piensa en una moto en esa carretera, en esa noche, solo puede pensar en una persona. Nicolás Barraza. Nico. Dos veces campeón nacional de enduro, segundo lugar en la Baja Mil, el hombre que conoce cada curva del Espinazo del Diablo porque ha corrido en ellas desde los quince años. El hombre que ahora arregla motos en un taller del barrio de Analco y que no ha vuelto a correr desde hace seis años. Su exmarido. El hombre con el que

no ha hablado desde el día en que firmaron el divorcio.

И если она думает о мотоцикле на этой дороге, этой ночью, она может думать только об одном человеке. Николас Барраса. Нико. Двукратный чемпион страны по эндуро, второе место в «Баха-1000», человек, который знает каждый поворот Хребта Дьявола, потому что гонял по ним с пятнадцати лет. Человек, который теперь чинит мотоциклы в мастерской в районе Аналько и который не гонял уже шесть лет. Её бывший муж. Человек, с которым она не разговаривала со дня, когда они подписали развод.

Valeria busca su número en el teléfono. Todavía lo tiene guardado, con el nombre que le puso hace dieciocho años, cuando lo conoció: «Nico Loco». Nunca lo cambió. Nunca lo borró. Mira la pantalla un largo rato. Le tiembla el dedo. Por la ventana del pasillo se ve el cielo de Durango, todavía limpio, con estrellas, pero hacia el oeste, sobre la sierra, hay un resplandor naranja de relámpagos. Teodora ya está aquí. En la sala de al lado, una máquina respira por Emiliano.

Валерия ищет его номер в телефоне. Он у неё всё ещё сохранён, с именем, которое она ему дала восемнадцать лет назад, когда с ним познакомилась: «Нико Псих». Она никогда его не меняла. Никогда не удаляла. Она смотрит на экран долго. У неё дрожит палец. В окне коридора видно небо Дуранго, ещё чистое, со звёздами, но на западе, над горами, стоит оранжевое зарево молний. «Теодора» уже здесь. В со-

седней палате машина дышит за Эмилиано.

-Ya sacamos todo a las dos y media -le dice el cirujano, el doctor Salcido, asomándose por la puerta del quirófano con el gorro puesto-. El hígado va a estar listo para viajar a las tres. ¿Ya tienes cómo mandarlo?

-Casi -dice Valeria.

-¿Casi? Valeria, esa niña...

-Ya sé quién es esa niña -lo interrumpe ella-. Tú saca el hígado. Yo lo llevo.

El doctor Salcido la mira con las cejas levantadas, como si hubiera dicho una locura, y vuelve a entrar. Valeria aprieta el botón verde antes de arrepentirse.

- Мы всё извлечём к половине третьего, - говорит ей хирург, доктор Сальсидо, выглядывая из двери операционной в шапочке. - Печень будет готова к поездке в три. У тебя уже есть, как её отправить?

- Почти, - говорит Валерия.

- Почти? Валерия, эта девочка...

- Я знаю, кто эта девочка, - перебивает его она. - Ты извлекай печень. Я её отвезу.

Доктор Сальсидо смотрит на неё с поднятыми бровями, как будто она сказала безумие, и возвращается внутрь. Валерия нажимает зелёную кнопку, пока не передумала.

El teléfono suena una vez, dos, tres. Valeria está a punto de

colgar cuando oye su voz, ronca de sueño, la misma voz de siempre, como si los seis años no hubieran existido.

-¿Vale? -dice Nico-. ¿Qué pasó? ¿Estás bien?

Ella abre la boca y por un segundo no le sale nada. Luego habla rápido, sin respirar, como habla en las emergencias: el hígado, la niña, el huracán, la autopista cerrada, el Espinazo del Diablo, doce horas. Del otro lado hay un silencio largo. Valeria oye la lluvia que empieza a caer sobre el techo de lámina del taller.

-¿A qué hora sale ese hígado? -pregunta él.

Телефон звонит раз, два, три. Валерия уже собирается положить трубку, когда слышит его голос, хриплый ото сна, тот же голос, что всегда, как будто шести лет не существовало.

- Вале? - говорит Нико. - Что случилось? Ты в порядке?

Она открывает рот, и секунду у неё ничего не выходит. Потом она говорит быстро, не дыша, как говорит в экстренных случаях: печень, девочка, ураган, закрытая автострада, Хребет Дьявола, двенадцать часов. На другом конце долгое молчание. Валерия слышит дождь, который начинает падать на жестяную крышу мастерской.

- В котором часу выезжает эта печень? - спрашивает он.

Capítulo 2: Diez horas y media. El taller
Глава 2: Десять с половиной часов. Мастерская

El taller de Nico está en una calle empedrada de Analco, detrás de la iglesia, en un garaje con un letrero pintado a mano: «Barraza Motos. Reparación y Preparación». Cuando el taxi de Valeria se detiene enfrente, a las tres y cuarto, la cortina metálica ya está levantada y todas las luces encendidas. Valeria baja con la hielera azul en los brazos. La hielera es especial: por dentro tiene tres bolsas estériles, una dentro de otra, con el hígado de Emiliano flotando en un líquido de preservación a cuatro grados, rodeado de hielo. Pesa seis kilos. Pesa una vida.

Мастерская Нико находится на мощёной улице Аналько, за церковью, в гараже с вывеской, нарисованной от руки: «Барраса Мотос. Ремонт и подготовка». Когда такси Валерии останавливается напротив, в четверть четвёртого, металлическая штора уже поднята и все огни зажжены. Валерия выходит с синим контейнером в руках. Контейнер особенный: внутри у него три стерильных пакета, один в другом, с печенью Эмилиано, плавающей в консервирующем растворе при четырёх градусах, окружённой льдом. Он ве-

сит шесть килограммов. Он весит одну жизнь.

Nico está de espaldas, inclinado sobre una moto, con una lámpara en la frente. Se da la vuelta cuando la oye. Tiene cuarenta y dos años, el pelo más gris de lo que ella recordaba, la misma barba mal cortada y los mismos brazos llenos de cicatrices de caídas. Se miran un segundo, en silencio, con seis años en medio del taller como un mueble que nadie sabe dónde poner.

-Hola, Vale.

-Hola, Nico.

-Te cortaste el pelo.

-Hace cinco años.

-Ah -dice él-. Te queda bien.

Нико стоит спиной, склонившись над мотоциклом, с фонарём на лбу. Он оборачивается, когда слышит её. Ему сорок два года, волосы более седые, чем она помнила, та же плохо подстриженная борода и те же руки, полные шрамов от падений. Они смотрят друг на друга секунду, молча, с шестью годами посреди мастерской, как предметом мебели, который никто не знает, куда поставить.

- Привет, Вале.

- Привет, Нико.

- Ты подстриглась.

- Пять лет назад.

- А, - говорит он. - Тебе идёт.

Luego Nico ve la hielera y la cara se le pone seria.

-¿Cómo se llamaba? -pregunta-. El muchacho.

-Emiliano Cázares. Diecinueve años. Se cayó anoche en La Ferrería.

Nico se queda quieto. Deja la llave inglesa sobre el banco, muy despacio.

-Lo conozco -dice-. Lo conocía. Hace dos semanas le arreglé el carburador de su moto. Una roja, una doscientos cincuenta. Le dije que bajara la velocidad en las curvas. Se rio. Me dijo: «Usted era campeón, don Nico, usted no tiene derecho a decirme eso».

Потом Нико видит контейнер, и лицо у него становится серьёзным.

- Как его звали? - спрашивает он. - Парня.

- Эмилиано Касарес. Девятнадцать лет. Упал вчера вечером на Ла-Феррерии.

Нико замирает. Он кладёт разводной ключ на верстак, очень медленно.

- Я его знаю, - говорит он. - Знал. Две недели назад я чинил ему карбюратор на мотоцикле. Красный, двестипятидесятка. Я сказал ему сбавлять скорость на поворотах. Он засмеялся. Сказал мне: «Вы были чемпионом, дон Нико, вы не имеете права мне это говорить».

Nico ya tiene la moto preparada. No es una moto bonita: es una máquina de enduro de cuatrocientos cincuenta centímetros cúbicos, alta, flaca, naranja y negra, llena de golpes y de

raspones, con llantas de tacos para el lodo y un tanque de combustible extra amarrado atrás. La que usaba en las carreras. La había guardado seis años debajo de una lona, como se guarda un arma.

-Llega a Mazatlán con un tanque y medio -dice-. Si no nos matamos antes.

-Qué optimista.

-Soy realista. La optimista siempre fuiste tú.

У Нико мотоцикл уже подготовлен. Это не красивый мотоцикл: это эндуро-машина на четыреста пятьдесят кубических сантиметров, высокая, худая, оранжевая с чёрным, вся в вмятинах и царапинах, с шипованными шинами для грязи и дополнительным топливным баком, привязанным сзади. Тот, на котором он ездил на гонках. Он хранил его шесть лет под брезентом, как хранят оружие.

- До Масатлана дотягивает на полутора баках, - говорит он. - Если мы не разобьёмся раньше.

- Какой оптимист.

- Я реалист. Оптимисткой всегда была ты.

Preparan la hielera con cuidado. Nico la mete dentro de una mochila grande de lona, la rellena con espuma de un viejo asiento, la amarra con correas, y se la pone a Valeria en la espalda, ajustándole las cintas sobre el pecho y la cintura. Ella siente el frío del hielo a través de la ropa. Lleva un termómetro digital conectado por un cable al interior: cuatro grados. Mientras

no pase de ocho, el hígado vive. Luego Nico le da un casco, un traje de lluvia, unos guantes, y unas botas que ella reconoce enseguida. Son las suyas. Las que dejó en el taller hace seis años.

Они готовят контейнер бережно. Нико кладёт его в большой брезентовый рюкзак, обкладывает поролоном из старого сиденья, перетягивает ремнями и надевает Валерии на спину, подгоняя ей лямки на груди и на поясе. Она чувствует холод льда сквозь одежду. У неё цифровой термометр, соединённый кабелем с внутренностью: четыре градуса. Пока не станет больше восьми, печень жива. Потом Нико даёт ей шлем, дождевой костюм, перчатки и ботинки, которые она сразу узнаёт. Это её. Те, которые она оставила в мастерской шесть лет назад.

-¿Las guardaste? -pregunta.

-Estaban estorbando -dice él, sin mirarla-. No tuve tiempo de tirarlas.

Valeria se las pone. Le quedan perfectas, todavía con el lodo seco de la última vez que salieron juntos, una carretera de terracería hacia Mexiquillo, un domingo en que todo estaba bien. Eso fue antes de las peleas, antes de las carreras en California, antes de las noches que ella pasaba sola en el hospital y él en la carretera, cada uno convencido de que el otro lo había abandonado primero. Se sube el cierre del traje de lluvia hasta la barbilla. No es momento para eso.

- Ты их сохранил? - спрашивает она.

- Они мешались, - говорит он, не глядя на неё. - Не было времени их выбросить.

Валерия их надевает. Они ей впору, всё ещё с засохшей грязью с последнего раза, когда они выезжали вместе, по грунтовой дороге к Мехикильо, в одно воскресенье, когда всё было хорошо. Это было до ссор, до гонок в Калифорнии, до ночей, которые она проводила одна в больнице, а он на дороге, каждый убеждённый, что другой бросил его первым. Она застёгивает молнию дождевого костюма до подбородка. Сейчас не время для этого.

A las tres y media, Nico arranca la moto. El motor ruge en el taller como un animal que despierta, y los perros de toda la cuadra se ponen a ladrar. Él se sube primero, luego ella atrás, con la mochila en la espalda, y se agarra de su cintura. Es un movimiento que su cuerpo recuerda solo, sin pedirle permiso.

-Reglas -dice Nico, volteando la cabeza-. Uno: te agarras siempre. Dos: en las curvas te inclinas conmigo, nunca contra mí. Tres: si te digo «abajo», te pegas a mi espalda y no preguntas.

-Igual que antes.

-Igual que antes.

В половине четвёртого Нико заводит мотоцикл. Мотор ревёт в мастерской, как зверь, который просыпается, и собаки всего квартала начинают лаять. Он садится первым, потом она сзади, с рюкзаком на спине, и держится за его пояс. Это движение, которое её тело вспоминает само, не

спрашивая у неё разрешения.

- Правила, - говорит Нико, повернув голову. - Первое: ты всегда держишься. Второе: в поворотах наклоняешься со мной, никогда против меня. Третье: если я говорю «вниз», прижимаешься к моей спине и не спрашиваешь.

- Как раньше.

- Как раньше.

Salen a las calles vacías de Durango. Llueve fino, y el empedrado del centro brilla bajo los faroles amarillos. Pasan frente a la catedral, frente a las casas viejas del centro, por la avenida que lleva al oeste, hacia la sierra. Valeria mira su reloj: las tres y cuarenta. Diez horas y veinte minutos para llegar a Mazatlán. Trescientos kilómetros de montaña, un huracán y quién sabe qué más. Pega la mejilla a la espalda de Nico, a través de los dos cascos y de las dos chamarras, y siente el calor de siempre.

Они выезжают на пустые улицы Дуранго. Идёт мелкий дождь, и брусчатка центра блестит под жёлтыми фонарями. Они проезжают мимо собора, мимо старых домов центра, по проспекту, который ведёт на запад, к горам. Валерия смотрит на часы: три сорок. Десять часов двадцать минут, чтобы доехать до Масатлана. Триста километров гор, ураган и неизвестно что ещё. Она прижимается щекой к спине Нико, через два шлема и две куртки, и чувствует то же тепло, что всегда.

En la salida de la ciudad, donde empieza la carretera a Mazatlán, hay dos patrullas atravesadas con las luces encendidas, rojas y azules, que se reflejan en el asfalto mojado. Un policía joven, con un impermeable amarillo, levanta la mano y les hace señas para que se detengan. Nico frena junto a él. El policía se acerca con una linterna y les alumbra las caras.

-Está cerrada, amigo -dice-. Toda la carretera, la vieja y la nueva. Hay derrumbes por todos lados. Orden del gobierno. Nadie pasa.

-Llevamos un órgano para trasplante -dice Valeria.

-Lo siento, señora. Nadie es nadie.

На выезде из города, где начинается дорога на Масатлан, стоят две патрульные машины поперёк, с включёнными огнями, красными и синими, которые отражаются в мокром асфальте. Молодой полицейский, в жёлтом дождевике, поднимает руку и делает им знаки остановиться. Нико тормозит рядом с ним. Полицейский подходит с фонарём и светит им в лица.

- Закрыто, друг, - говорит он. - Вся дорога, старая и новая. Обвалы повсюду. Приказ правительства. Никто не проезжает.

- Мы везём орган для пересадки, - говорит Валерия.

- Сожалею, сеньора. Никто - значит никто.

Nico se quita el casco despacio. Detrás de la patrulla, un

policía mayor, gordo, con bigote gris, que estaba tomando café en el coche, se asoma por la ventanilla y se queda mirándolo. Luego abre la puerta y sale bajo la lluvia, sin impermeable.

-¿Barraza? -dice-. ¿Nico Barraza? ¿El de la Baja Mil del dos mil catorce?

-El mismo, comandante.

El viejo se ríe, una risa grande, y le da una palmada al policía joven en la espalda.

-Déjalos pasar, muchacho. Si alguien en este mundo puede cruzar esa sierra esta noche, es este loco.

Нико медленно снимает шлем. За патрульной машиной пожилой полицейский, толстый, с седыми усами, который пил кофе в машине, выглядывает из окошка и смотрит на него. Потом открывает дверь и выходит под дождь, без дождевика.

- Барраса? - говорит он. - Нико Барраса? Тот, из «Баха-1000» две тысячи четырнадцатого?

- Он самый, команданте.

Старик смеётся, большим смехом, и хлопает молодого полицейского по спине.

- Пропусти их, парень. Если кто-то на этом свете и может пересечь эти горы этой ночью, так это этот псих.

Capítulo 3: Nueve horas. La subida
Глава 3: Девять часов. Подъём

La carretera sale del valle de Durango y empieza a subir. Al principio son curvas suaves, entre campos de maíz y huertas de manzanos, pero pronto la noche se cierra sobre ellos y solo queda la luz del faro de la moto, un túnel blanco lleno de gotas de lluvia. El aire se vuelve más frío con cada kilómetro. Huele a pino mojado, a tierra, a humo de leña de alguna casa que no se ve. Valeria siente el frío entrar por las mangas del traje, por el cuello, por las rodillas. El único lugar caliente de su cuerpo es donde toca la espalda de Nico.

Дорога выходит из долины Дуранго и начинает подниматься. Сначала это плавные повороты, между кукурузными полями и яблоневыми садами, но скоро ночь смыкается над ними, и остаётся только свет фары мотоцикла, белый тоннель, полный дождевых капель. Воздух становится холоднее с каждым километром. Пахнет мокрой сосной, землёй, дымом дров из какого-то дома, которого не видно. Валерия чувствует, как холод входит через рукава костюма, через шею, через колени. Единственное тёплое место на её теле - там, где она касается спины Нико.

Nico maneja como siempre: como si bailara. No frena de

golpe, no acelera de golpe. La moto entra en cada curva inclinada, suave, y sale de ella enderezándose sola, como un péndulo. Valeria había olvidado esto. Había olvidado que con él, en la moto, el miedo se convertía en otra cosa, en una especie de confianza ciega, de esas que dan miedo por sí mismas. Mira el termómetro que lleva colgado en la muñeca con una correa: cuatro punto dos grados. El hígado de Emiliano viaja tranquilo en su espalda. Ella no.

Нико ведёт как всегда: как если бы танцевал. Не тормозит резко, не ускоряется резко. Мотоцикл входит в каждый поворот наклонённым, плавно, и выходит из него, выпрямляясь сам, как маятник. Валерия забыла это. Забыла, что с ним, на мотоцикле, страх превращался во что-то другое, в некое слепое доверие, из тех, что пугают сами по себе. Она смотрит на термометр, который висит у неё на запястье на ремешке: четыре и две десятых градуса. Печень Эмилиано путешествует спокойно у неё на спине. Она - нет.

Se conocieron en 2008, en una carrera de enduro en la sierra. Ella era estudiante de enfermería, voluntaria en la carpa de primeros auxilios; él tenía veinticuatro años, llegó cubierto de lodo hasta las orejas, con la clavícula rota, y en lugar de pedir algo para el dolor le preguntó si quería tomar un café con él cuando terminara la carrera. «Usted no va a terminar ninguna carrera con esa clavícula», le dijo ella. Él se subió a la moto y terminó tercero. Esa noche tomaron el café. Y después muchos

más, durante doce años.

Они познакомились в 2008 году, на гонке эндуро в горах. Она была студенткой медучилища, волонтёром в палатке первой помощи; ему было двадцать четыре, он пришёл весь в грязи до ушей, со сломанной ключицей и вместо того, чтобы попросить что-нибудь от боли, спросил её, не хочет ли она выпить с ним кофе, когда закончится гонка. «Вы не закончите никакую гонку с такой ключицей», - сказала она ему. Он сел на мотоцикл и финишировал третьим. В ту ночь они выпили кофе. А потом ещё много, в течение двенадцати лет.

De pronto, en una curva, dos ojos verdes brillan en medio de la carretera. Un venado, un macho con cuernos grandes, inmóvil bajo la luz del faro. Nico frena, mueve la moto hacia la izquierda, la llanta trasera patina sobre el asfalto mojado, y por un segundo Valeria ve el barranco negro a su lado, muy cerca. Luego la moto se endereza, el venado salta hacia el monte y desaparece, y ellos siguen subiendo como si nada.

-¿Sigues ahí? -grita Nico por encima del motor.

-¡Sigo! -grita ella. Y se da cuenta de que se está riendo.

Вдруг на повороте посреди дороги блестят два зелёных глаза. Олень, самец с большими рогами, неподвижный в свете фары. Нико тормозит, уводит мотоцикл влево, заднее колесо скользит по мокрому асфальту, и на секунду Валерия видит чёрный обрыв рядом с собой, очень близко. Потом мотоцикл выпрямляется, олень прыгает в лес и исчезает, а

они продолжают подниматься, как ни в чём не бывало.

- Ты ещё там? - кричит Нико поверх мотора.

- Ещё тут! - кричит она. И замечает, что смеётся.

A dos mil metros de altura, la lluvia se convierte en granizo. Primero son bolitas pequeñas que rebotan en los cascos como arroz, luego piedras del tamaño de canicas que golpean como puños. Nico se detiene debajo de un pino enorme, junto a la carretera, y se quedan ahí, abrazados a la moto, mientras el mundo se pone blanco alrededor. Valeria mira el termómetro: tres punto nueve.

-Por lo menos a él le gusta el frío -dice, señalando la mochila.

Nico se ríe. Es la primera vez que lo oye reír en seis años, y le duele un poco.

На высоте двух тысяч метров дождь превращается в град. Сначала это маленькие шарики, которые отскакивают от шлемов, как рис, потом камни размером с шарики для игры, которые бьют, как кулаки. Нико останавливается под огромной сосной у дороги, и они остаются там, обнявшись с мотоциклом, пока мир вокруг становится белым. Валерия смотрит на термометр: три и девять.

- По крайней мере, ему нравится холод, - говорит она, показывая на рюкзак.

Нико смеётся. Это первый раз, когда она слышит его смех за шесть лет, и ей немного больно.

-Háblame de la niña -dice él, mientras esperan.

-Se llama Ximena. Ocho años. Le gustan los caballos; dibuja caballos en todas partes, hasta en las paredes del hospital. Sus papás venden camarón en el mercado de Mazatlán. Hace cuatro días le dio fiebre, y al día siguiente ya estaba amarilla, y al otro ya no despertaba bien. Su papá me llamó anoche, llorando. Me preguntó si yo tenía hijos.

Nico no dice nada. Mira el granizo.

-¿Y qué le contestaste?

-La verdad -dice Valeria-. Que casi.

- Расскажи мне о девочке, - говорит он, пока они ждут.

- Её зовут Химена. Восемь лет. Ей нравятся лошади; она рисует лошадей везде, даже на стенах больницы. Её родители продают креветки на рынке Масатлана. Четыре дня назад у неё поднялась температура, а на следующий день она уже была жёлтой, а на следующий уже плохо просыпалась. Её папа позвонил мне вчера вечером, плача. Спросил меня, есть ли у меня дети.

Нико ничего не говорит. Он смотрит на град.

- И что ты ему ответила?

- Правду, - говорит Валерия. - Что почти.

El granizo para tan rápido como empezó. Siguen. Cuando llegan a El Salto, el cielo ya es gris, con un amanecer sucio que no termina de llegar. El Salto es un pueblo maderero a dos mil quinientos metros, de casas de tablas y techos de lámina, con

aserraderos que huelen a resina y chimeneas que echan humo blanco. Hay una gasolinera abierta, con las luces conectadas a una planta de luz que hace un ruido de tractor. Delante de ella, en fila, hay seis tráileres detenidos, con los motores apagados. Nadie sigue hacia el oeste.

Град прекращается так же быстро, как начался. Они едут дальше. Когда они приезжают в Эль-Сальто, небо уже серое, с грязным рассветом, который никак не наступит. Эль-Сальто - лесозаготовительный посёлок на высоте двух тысяч пятисот метров, из дощатых домов с жестяными крышами, с лесопилками, которые пахнут смолой, и трубами, которые выпускают белый дым. Там открыта заправка, с огнями, подключёнными к генератору, который шумит как трактор. Перед ней, в ряд, стоят шесть фур, с выключенными моторами. Никто не едет дальше на запад.

Mientras Nico llena el tanque, un tráilero gordo, con gorra de béisbol y una taza de café en la mano, se acerca a mirar la moto.

-¿Van para abajo? -pregunta-. ¿Con este clima?

-Para Mazatlán.

El hombre silba.

-Pues van a encontrar de todo. Hay derrumbes antes del Espinazo, y en el Espinazo el viento te levanta del suelo. Y otra cosa -baja la voz-. Hay gente mala en la sierra. Desde anoche, con el huracán, pusieron retenes en el camino. Gente armada. Si les hacen señas, no se paren. O sí, no sé. Que Dios los acompañe.

Пока Нико заливает бак, толстый дальнобойщик, в бейсболке и с чашкой кофе в руке, подходит посмотреть на мотоцикл.

- Вниз едете? - спрашивает он. - В такую погоду?

- В Масатлан.

Мужчина присвистывает.

- Ну, вы там встретите всё что угодно. Обвалы перед Хребтом, а на Хребте ветер поднимает тебя от земли. И ещё одно, - он понижает голос. - В горах есть плохие люди. Со вчерашнего вечера, с ураганом, они поставили посты на дороге. Вооружённые люди. Если будут делать вам знаки, не останавливайтесь. Или останавливайтесь, не знаю. Да хранит вас Бог.

Valeria toma un café de máquina, aguado y dulcísimo, apoyada en la pared de la gasolinera. Mira a Nico revisar la moto: la cadena, los frenos, la presión de las llantas, con la misma cara de concentración que ponía en la casa cuando arreglaba una lámpara o una licuadora, con la lengua entre los dientes, como un niño. Ella se enamoró de esa cara. Y por un segundo, con el café en la mano y el hígado de un muchacho muerto en la espalda, se pregunta por qué dejó de mirarla. No encuentra la respuesta. Tira el vaso a la basura.

Валерия пьёт кофе из автомата, водянистый и сладчайший, прислонившись к стене заправки. Она смотрит, как Нико проверяет мотоцикл: цепь, тормоза, давление в шинах,

с тем же сосредоточенным лицом, какое было у него дома, когда он чинил лампу или блендер, с языком между зубами, как ребёнок. Она влюбилась в это лицо. И на секунду, с кофе в руке и печенью умершего парня на спине, она спрашивает себя, почему перестала на него смотреть. Она не находит ответа. Бросает стакан в мусор.

El radio de la gasolinera, colgado sobre la caja, interrumpe una canción de banda. «Aviso urgente del Servicio Meteorológico Nacional: el huracán Teodora se ha intensificado a categoría cuatro y aumentó su velocidad de traslación. Se espera que toque tierra en las inmediaciones de Mazatlán alrededor de las catorce horas de hoy. Las autoridades ordenan la evacuación de las zonas bajas...». Valeria y Nico se miran. Las catorce horas. Exactamente la hora en que el hígado deja de servir.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.